

«Небесная» и «земная» жизнь Суда Евразийского экономического союза: обзор Решения Суда от 21 февраля 2017 года по делу о соблюдении Белоруссией Договора о ЕАЭС

Владислав Толстых*

В статье анализируется Решение Суда Евразийского экономического союза, вынесенное по иску России против Белоруссии и касающееся соблюдения последней Договора о ЕАЭС и некоторых других актов Союза. В рассматриваемом Решении Суд впервые использовал свои полномочия по рассмотрению межгосударственных споров. Автор описывает обстоятельства дела, позицию Суда и позиции судей, заявивших особые мнения. Авторские комментарии затрагивают политические и юридические аспекты спора, стилистику Решения и использование института особых мнений. Автор делает ряд критических замечаний: по его мнению, Суд уделяет необоснованно большое внимание очевидным вопросам и, наоборот, не разъясняет некоторые важные вопросы; не пытается сформулировать общую концепцию регулирования в данной области, не применяет некоторые концепции и подходы, применимость которых выглядит очевидной, и не использует потенциально полезные способы толкования. В целом Решение производит двойственное впечатление. С одной стороны, оно соответствует базовым стандартам международных судебных решений и содержит определённый ответ на поставленный вопрос. С другой стороны, оно не содержит развёрнутых аргументов и чётких выводов. Таким образом, оно успешно решает частную задачу разрешения конкретного спора, но не решает общую задачу укрепления правопорядка ЕАЭС.

→ *Международное право; евразийское право; таможенное право; таможенный контроль; международный суд; особые мнения судей*

DOI: 10.21128/2226-2059-2017-4-18-25

1. Обстоятельства дела

Два российских общества ввезли из Европы в Калининградскую область комплектующие для бытовой техники и поместили их под таможенную процедуру свободной таможенной зоны. Из данных комплектующих были изготовлены холодильники, телевизоры и микроволновые печи, которые были помещены под процедуру реимпорта и приобрели тем са-

мым статус товаров Таможенного Союза (*далее* — ТС). С целью перемещения данных товаров из Калининградской области в другие регионы России через Литву (государство, не являющееся членом ТС) их поместили под процедуру таможенного транзита. Местом доставки товаров была определена Ошмянская таможня Белоруссии. В январе-феврале 2015 года Ошмянская таможня сочла, что под видом товара ТС перевозится иностранный товар, а представленные документы являются недействительными. После этого суд Ошмянского района вынес постановление о конфискации товаров.

Предприняв несколько попыток досудебного урегулирования, Россия обратилась в Суд Евразийского экономического союза (*далее* —

* Толстых Владислав Леонидович — доктор юридических наук, заведующий кафедрой международного права Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия (e-mail: vlt73@mail.ru). Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ по Программе повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров (Проект 5-100).

Суд ЕАЭС, Суд), ссылаясь на нарушение статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза (*далее* – ТК ТС) и статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств – членов ТС, закрепляющих обязательство взаимного признания решений таможенных органов (*далее* – Соглашение). Россия также утверждала, что в случае выявления нарушений белорусские органы должны были запросить помощь российских властей. Белоруссия заявила, что Суд не обладает компетенцией *ratione temporis*, так как Договор о ЕАЭС¹ вступил в силу только 1 января 2015 года, и компетенцией *ratione materiae*, так как вопросы административной ответственности относятся к национальной компетенции. Она также сослалась на статью 29 Договора о ЕАЭС, разрешающую государствам применять ограничения во взаимной торговле товарами с целью защиты правопорядка.

2. Позиция Суда

В Решении от 21 февраля 2017 года Суд (Большая коллегия) указал, что в данном деле затрагиваются принципы свободы движения товаров и единого таможенного регулирования. В отличие от иных видов административной помощи, взаимное признание решений таможенных органов не предполагает направление запросов и поручений, а осуществляется по умолчанию: «решения таможенных органов имеют презумпцию их полного соответствия предъявляемым требованиям». При наличии данных о возможном нарушении таможенного законодательства таможенные органы одного государства могут направлять органам другого государства поручения о проведении отдельных форм таможенного контроля (статья 11 Соглашения 2010 года). Они должны воздерживаться от односторонней оценки документов, выданных органами государства отправления.

Каждое государство само определяет органы, которые выдают заключения о статусе товара как товара ТС. В России таким органом является Торгово-промышленная палата РФ. Органы другого государства не могут из-

менять статус товара и определять его как иностранный товар. Материалы дела свидетельствуют о достоверности сведений, содержащихся в таможенных декларациях с разрешительными отметками российских органов. На данные отметки распространяется презумпция достоверности. Довод Белоруссии о том, что решения таможенных органов признаются исключительно по поручению одной из сторон, не является обоснованным. В связи с этим Суд удовлетворил заявление России и установил «факт исполнения Республикой Беларусь не в полном объёме» статей 1, 3, 4, 25 Договора о ЕАЭС, статьи 125 ТК ТС, статей 11 и 17 Соглашения 2010 года.

3. Особые мнения

Пятеро судей (из десяти) приложили к Решению особые мнения. Оба судьи от Белоруссии и один судья от Казахстана оспорили позицию большинства. Оба российских судьи поддержали её, изложив ряд дополнительных аргументов.

Судья А.А. Федорцев (Белоруссия) указал, что Россия не выполнила требование о досудебном урегулировании (статья 43 Статута²): перед обращением в Суд стороны обсуждали вопрос о соблюдении ТК ТС и Соглашения 2010 года, но не вопрос о соблюдении Договора о ЕАЭС. Кроме того, Суд не обладал компетенцией *ratione temporis* и *ratione materiae*, так как действия ответчика имели место до 1 января 2015 года (даты вступления в силу Договора). Суд также неправильно применил материальные нормы: взаимное признание решений таможенных органов предполагает, что эти решения должны приниматься без специального удостоверения, но белорусские органы и не требовали такого удостоверения. Взаимное признание не исключает последующего контроля, тем более что в данном случае товар перевозился не только по территории ТС, но и по территории Литвы. В соответствии со статьёй 11 Соглашения 2010 года обращение за административной помощью к таможенным органам другого государства является правом таможенного органа, а не его обязанностью; в

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <http://www.eurasiancommission.org/> (дата обращения: 18.12.2017).

² Статут Суда Евразийского экономического союза. Приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

этом белорусские органы не нарушили своих обязательств по данной статье.

Судья *Д.Г. Колос* (Белоруссия) привёл аналогичную аргументацию в отношении досудебного порядка и компетенции Суда. Кроме того, он указал, что спор между сторонами исчерпан: в 2015 году Евразийская экономическая комиссия (*далее* — Комиссия) урегулировала вопрос о таможенном транзите (Решение № 147), в этом вопросе решение Суда не влияет на существующие права и обязанности Сторон и может устранить неопределённость лишь в отношении действовавшего ранее регулирования, что лишено практического смысла. Таможенный контроль не исключается принципом свободы перемещения товаров (статья 25 Договора), так как он не является торговым барьером. Кроме того, в переходный период государства могут сохранять ограничения и барьеры с целью защиты правопорядка. Взаимная административная помощь осуществляется только по запросу; безусловное и автоматическое признание всех решений возможно в будущем, но о нём нельзя было говорить в 2009 году, в момент разработки ТК ТС. Белорусские власти действовали добросовестно, так как они выявили доказательства нарушения таможенных правил и запросили российские органы о помощи (но не получили её).

Судья *В.Х. Сейтимова* (Казахстан) указала, что статьи Договора, которые Суд признал нарушенными, в силу предмета и правовой конструкции не могут рассматриваться как содержащие обязательства государств-членов (данные статьи устанавливают цели и принципы функционирования Союза). Кроме того, в переходный период, до вступления в силу ТК ЕАЭС, действия государств-членов не могут оцениваться на предмет соответствия принципам функционирования Союза. Направление запроса об административной помощи является правом, а не обязанностью таможенного органа. В рассматриваемый период вопрос о транзите между Калининградской областью и остальной частью РФ не был урегулирован, в связи с чем Суд должен был воздержаться от квалификации действий белорусских властей.

Судья *К.Л. Чайка* (Россия) указал, что нарушение ответчика является длящимся (отдельные действия имели место в 2015 году), в связи с чем довод об отсутствии у Суда компе-

тенции *ratione temporis* подлежит отклонению. Довод об отсутствии компетенции *ratione materiae* также подлежит отклонению, так как, учредив Союз, государства-члены ограничили свои суверенные права и создали автономную правовую систему. Включение в правовые системы каждого государства положений права Союза исключает приоритет норм национального права. Обязательность права Союза в разных членах Союза не может различаться в зависимости от наличия национальных актов. Иное толкование сделало бы обязательства по Договору о Союзе не безусловными, а лишь возможными и зависящими от обстоятельств. Задержание товаров Союза таможенными органами ограничивает их свободное движение. Такие ограничения допускаются, если они предусмотрены правом Союза и являются необходимыми. Договор о Союзе не предусматривает их: статья 29, на которую ссылается ответчик, касается функционирования внутреннего рынка, а не таможенного транзита. Кроме того, ответчик не обосновал угрозу порядку Белоруссии, создаваемую перемещением по её территории бытовой техники. Суд не отклонил ни одного довода России, поэтому ему следовало удовлетворить её требования в полном объёме.

Судья *Т.Н. Неуштаева* (Россия) отметила, что Белоруссия не доказала основания для ограничения движения товаров (статья 29 Договора). Против них свидетельствует то, что конфискованные товары впоследствии были реализованы на внутреннем рынке. Отказ во взаимном признании решений таможенных органов эквивалентен незаконным количественным ограничениям. В отличие от обычной правовой помощи, взаимное признание предполагает обязанность (а не право) признавать юридическую силу решений. Белорусские власти нарушили данную обязанность и необоснованно отказались использовать механизм взаимной административной помощи (статья 11 Соглашения 2010 года). Вместо этого они самостоятельно определили законность решений российской таможни, нарушив принцип *par in parem non habet jurisdictionem*. При рассмотрении спора в Суде возникли процессуальные проблемы, в связи с чем Регламент Суда следует дополнить разделом о разрешении межгосударственных споров. В частности, необходимо запретить судьям от сторон

спора выступать в качестве председательствующего или судьи-докладчика и разрешить Суду решать вопрос о компенсации хозяйствующим субъектам.

4. Политические аспекты спора

Конфликт, переданный в Суд, на первый взгляд может показаться незначительным: речь идёт о небольшом ущербе, который Белоруссия вполне может возместить без особого ущерба для своего материального положения и достоинства. Вместе с тем данный конфликт имеет не только материальное, но и более важное политическое измерение: он прямо затрагивает суверенитет государств-членов и распределение предметов ведения и полномочий между ними и Союзом. Признав правоту России, Суд зарезервировал за собой последнее слово в такого рода конфликтах и заявил, что они будут решаться юридическими средствами, на основании правовых норм и аргументов. Решение Суда в этом смысле является знаковым и активистским, в гораздо большей степени, чем известное Постановление по делу «Южного Кузбасса» от 8 апреля 2013 года, в котором Суд определил правовые последствия своих решений³. Возможно, оно не станет переломным, но в любом случае оно представляет собой разрыв с традицией уклонения от разрешения межгосударственных споров, унаследованной от Экономического суда СНГ⁴.

Позиция Суда может вызвать негативную реакцию государств, не заинтересованных в дальнейшей централизации, но она выглядит гораздо более достойной и соответствующей судебной функции, чем осторожная позиция, которую Суд вполне мог занять, отказавшись от вынесения решения по процессуальным мотивам. Смелость Суда, конечно, не должна переоцениваться: важную и, возможно, решающую роль сыграло то, что в качестве истца выступила Россия — ведущий участник ЕАЭС. Как бы то ни было, факт остаётся

фактом: Суд заявил о себе как о самостоятельном субъекте и впервые вступил в открытый конфликт с государством-членом. Остаётся надеяться, что данный пример не останется единственным, и в будущем Суд сможет противопоставлять своё мнение не только государствам, но и Комиссии — при рассмотрении заявлений хозяйствующих субъектов.

Несмотря на то что Россия выиграла судебный процесс, а Белоруссия проиграла его, Решение от 21 февраля 2017 года представляется объективно выгодным для обоих государств. Обратившись в Суд, Россия перевела конфликт в правовую плоскость и таким образом защитила интеграционные процессы и позволила Белоруссии, уступившей не грубому нажиму, а судебному решению, «сохранить лицо». Особые мнения белорусских судей отчасти компенсируют репутационные издержки Белоруссии, оставляя ей возможность для последующей критики Решения.

5. Юридическая техника

В целом Решение от 21 февраля 2017 года соответствует стандартам международных судебных решений: аргументация Суда является развёрнутой и включает и «мягкие» аргументы (ссылки на общие принципы) и «жесткие» аргументы (ссылки на конкретные нормы). Суд разбирает аргументы сторон, ссылаясь на международные договоры и акты мягкого права, делает замечания *obiter dictum*, использует риторические украшения (прежде всего, латинские выражения) и т.д. Вместе с тем Решение содержит несколько серьёзных дефектов, недопустимых в актах такого уровня.

Во-первых, в нём отсутствует какая-либо информация о фактических обстоятельствах дела. Суд стартует «с места в карьер»: после краткого описания требований России излагается процедурная история, а затем сразу идут выводы, изложенные максимально общим образом. Уяснить содержание и практическое значение данных выводов, опираясь только на текст Решения, не просто трудно, а, скорее, невозможно. Ситуацию спасает только то, что факты дела излагаются в Постановлении Суда от 12 сентября 2016 года, вынесенном по вопросам приемлемости, и в особом мнении судьи К.Л. Чайки. Опускание описательной части свидетельствует не толь-

³ А.С. Исполнинов назвал это постановление «первым на постсоветском пространстве случаем судейского активизма». См.: Исполнинов А.С. Решение Большой коллегии Суда ЕвразЭС по делу южного Кузбасса: насколько обоснован судейский активизм? // Евразийский юридический журнал. 2013. № 5. С. 19–26.

⁴ См.: Решения и постановления Экономического суда СНГ по делу о санатории «Хзень» от 18 апреля 2008 года, от 12 марта 2009 года и от 14 апреля 2010 года.

ко о неуважении к читателям, но и о пренебрежении Судом своей основной задачей — обеспечением единообразного применения права ЕАЭС.

Первое. Суд уделяет необоснованно большое внимание очевидным и малозначимым вопросам и, наоборот, не разъясняет некоторые важные вопросы. Так, несколько абзацев (одна страница) Решения раскрывают значение термина «решение таможенного органа»; по итогам этого анализа делается очевидный вывод о том, что такое решение предполагает «юридически значимые действия таможенных органов, совершаемые в рамках предоставленных им полномочий». И наоборот, Суд не объясняет особенности процедуры транзита из Калининградской области, не систематизирует применимые акты и не уточняет характер ответственности Белоруссии. Вопрос о том, может ли государство ссылаться при проведении контроля на исключения, предусмотренные статьёй 29 Договора о Союзе, остаётся без ответа, так же как и вопрос о том, какое нарушение Белоруссии было основным: непризнание российских решений, отказ от направления запроса или пересмотр статуса товара.

Второе. Суд не пытается сформулировать общую концепцию регулирования в данной области, ограничиваясь цитированием статей Договора и других нормативных актов. Иными словами, он не объясняет, почему интерес России в свободе транзита является более приоритетным, чем интерес Белоруссии в проведении таможенного контроля; почему в отношении решений таможенных органов действует презумпция их соответствия требованиям коммунитарного права; почему данный вопрос должен регулироваться унифицированно и т.д. Если бы он сделал это, оснований для составления особых мнений, в которых судьи попытались восполнить данные пробелы, было бы меньше.

Третье. Суд не применяет некоторые концепции и подходы, применимость которых выглядит очевидной и которые могли бы усилить частные аргументы, относящиеся к данному делу, и сыграть консолидирующую роль в будущем. Так, спорный вопрос не анализируется в контексте особого характера права Союза (данный анализ проводится в особом мнении К.Л. Чайки); контексте принципа пропорциональности (данный анализ прово-

дится в особом мнении Д.Г. Колоса), контексте права ВТО (данный анализ проводится в особом мнении Д. Г. Колоса и Т. Н. Нешатаевой) и контексте общих принципов правовой помощи, допускающих отказ в её предоставлении в случае нарушения публичного порядка.

Четвёртое. Суд не использует некоторых потенциально полезных способов толкования применимых норм. Он ограничивается изложением собственного мнения и не приводит мнений Комиссии и мнений экспертов, не анализирует подготовительные материалы, практику национальных судов, позицию Суда ЕС по аналогичным вопросам и т.д.

Пятое. В доводах Суда можно обнаружить противоречия. Так, Суд, с одной стороны, формулирует презумпцию достоверности и действительности решений таможенных органов, а с другой стороны, указывает, что таможенным органам одного государства «целесообразно воздерживаться от одностороннего порядка решения вопроса о достоверности, допустимости, достаточности документов», выданных таможенными органами другого государства. Однако презумпция может быть опровергнута, а целесообразность не предполагает обязательности.

В итоге комментировать правовую позицию Суда довольно сложно: несмотря на многочисленные ссылки на нормативные акты, Решение не содержит развёрнутой, чёткой и целостной аргументации.

6. Стилистика Решения

Решение от 21 февраля 2017 года, как и многие другие решения Суда, имеет серьёзные стилистические недостатки. Во-первых, оно перегружено длинными и сложными грамматическими формами, смысл которых невозможно понять по ходу чтения текста: для этого необходимо останавливаться, переформулировать данные формы и только после этого переходить к следующему элементу текста. Так, в одном из предложений («Большой коллегией Суда исследован предмет заявления Истца...») содержится около 50 существительных, находящихся в различных отношениях друг к другу. Во-вторых, Решение содержит словосочетания, недопустимые с точки зрения лексики. Примерами являются фразы: «решения таможенных органов имеют презумпцию», «из заявления Истца следуют об-

стоятельства», «несоблюдение Ответчиком, как основания, направления поручения», «статья 125 ТК ТС содержит взаимное признание решений» и др. В Решении встречаются тавтологии: «односторонний пересмотр... решений явился нарушением норм права ЕАЭС, что... привело к нарушению свободы движения товаров». В-третьих, латинские выражения, которых в Решении очень много, часто используются не к месту, создавая впечатление, что Суд больше заботился о том, чтобы показать свою учёность, а не о том, чтобы сделать текст более понятным. В одних случаях эти выражения иллюстрируют очевидные истины, например то, что договоры должны соблюдаться, или то, что они могут создавать право. В других случаях они лишь запутывают читателя, например: в одном месте Суд пишет об «установлении не имеющих *equivocum* (двойного смысла) достаточных оснований для направления поручений». Но основания, будучи фактами, в принципе не могут иметь «двойного смысла».

Проблема состоит не только в отсутствии или недостатке художественных достоинств текста, в конце концов, судебное решение — это не роман. Она состоит в том, что, составляя трудночитаемый текст, Суд фактически пренебрегает своей основной функцией, состоящей в обеспечении единообразного применения права Союза (пункт 2 Статута), и лишает себя права (как минимум, морального) требовать, чтобы внутренние суды учитывали его позиции. Это отчасти подтверждается отсутствием большого числа статей, комментирующих решения Суда: не исключено, что многие, кто хотел бы их написать, не могут преодолеть «языковой барьер». Подход Суда к составлению текстов уже не раз подвергался критике⁵, однако Суд либо не замечает эту критику, либо не считает нужным реагировать на неё.

7. Особые мнения судей

Наличие целых пяти особых мнений свидетельствует о том, что рассматриваемое решение было принято в результате живой и

плодотворной дискуссии, сам факт которой говорит о самостоятельности Суда, его творческой активности и потенциале. Одновременно оно приводит к выводу о серьёзных разногласиях среди судей. Данные разногласия являются ожидаемыми и закономерными: судьи назначаются государствами и не могут игнорировать их политические позиции. Это, однако, не отменяет того факта, что данные разногласия могут негативно сказаться на исполнении решения и в более широком плане — на эффективности будущих решений и их влиянии на национальную практику. В связи с этим встаёт несколько вопросов, которые должны быть если не решены, то, как минимум, осмыслены.

Первый вопрос касается сохранения самого института особых мнений. В мировой практике он не решается единообразно. Статуты одних судов (Международный Суд ООН, Международный трибунал по морскому праву, Европейский Суд по правам человека) допускают особые мнения, статуты других судов (Суд Европейского Союза) исключают их. В последнем случае аргументом является необходимость единой позиции, в отсутствие которой процесс региональной интеграции будет затруднён⁶. Данный аргумент приобретает особое значение в порядке ЕАЭС, предоставляющем государствам большие возможности для сопротивления интеграционному импульсу. Он, однако, не должен рассматриваться как *ultima ratio*: существует ряд аргументов в пользу особых мнений, которые способствуют диалогу судей друг с другом, диалогу Суда с внутренними судами, развитию права и т.п.⁷ В условиях

⁶ Так, А. С. Исполинов утверждает: «Наличие же значительного числа особых мнений самым радикальным образом ослабляет восприятие решения всеми заинтересованными сторонами, ставит под сомнение его убедительность и даже легитимность» (Исполинов А. С. Решение Суда ЕАЭС по спору Российская Федерация против Республики Беларусь: правосудие посреди политического конфликта. URL: https://zakon.ru/blog/2017/03/17/reshenie_suda_eaes_po_sporu_rossijskaya_federaciya_protiv_respubliki_bielarus_pravosudie_posredi_poli (дата обращения: 18.12.2017)).

⁷ В особом мнении к Решению Международного суда ООН по делу о суверенитете над Пулау-Лигитан и Пулау-Сипадан от 17 декабря 2002 года судья *ad hoc* Франк указал: «Особое мнение, таким образом, выполняет несколько функций. Оно показывает проигравшей стороне, что её аргументы не были проигнорированы, но были в полной мере изучены всем Судом. В ходе обсуждения оно способствует разумному и сбалансированному обмену результатами исследований и письменными замечаниями между судьями. Оно может предлагать

⁵ *Смбатян А. С.* Решения Суда ЕвразЭС не вызывают научного интереса? // Евразийский юридический журнал. 2014. № 6 (73). С. 63–68; *Толстых В. Л.* Практика Суда ЕАЭС / Суда ЕвразЭС: проблемы правоприменения и некоторые итоги // Международное правосудие. 2016. № 4 (20). С. 114–128.

правопорядка ЕАЭС, испытывающего дефицит неофициальных правовых конструкций, эти аргументы, на наш взгляд, должны перевешивать.

Второй вопрос касается содержания особых мнений. По идее, они должны оспаривать или развивать выводы, содержащиеся в основном решении, восполнять его пробелы, предлагать альтернативные варианты и т. д. Практика Суда ЕАЭС, однако, развивается по другому пути: в своих особых мнениях судьи нередко обсуждают вопросы, не связанные с основным решением. В данном деле возражающие судьи уделили немало внимания вопросу о юрисдикции Суда — вопросу, который уже был решён Судом в Постановлении от 12 сентября 2016 года о принятии заявления России к производству. Судья Т. Н. Нешатаева, в свою очередь, высказала предложения по совершенствованию процедуры рассмотрения межгосударственных споров, которые, несмотря на их обоснованность, не имеют прямой связи с предметом спора. В результате такого широкого подхода особые мнения перестают выполнять свою основную функцию, а становятся трибуной для озвучивания сугубо теоретических концепций, предложений *de lege ferenda*, пикировки с другими судьями и софистических упражнений. Решение данного вопроса лежит скорее в этической, нежели в правовой плоскости.

Третий вопрос касается юридической силы и влияния особых мнений. Ясно, что данные мнения не являются юридически обязательными для государств. Они, однако, могут учитываться государствами при развитии права ЕАЭС; при этом позиция, изложенная в основном решении, может игнорироваться⁸. Особые мнения также могут учитываться са-

мом Судом при вынесении последующих решений — тогда, когда в них содержатся формулировки и выводы, достойные образовать часть коммунитарного *acquis*. В рассматриваемом деле именно такой характер носят выводы судьи К. Л. Чайки, относящиеся к природе коммунитарного порядка⁹. В связи с этим особое значение приобретает реакция научного сообщества, которое может выступать в качестве своеобразного арбитра и выделять те правовые позиции, которые заслуживают дальнейшего использования. Данная реакция могла бы быть представлена не только на страницах периодических журналов, но и в рамках Консультативного совета при Суде, необходимость создания которого давно назрела.

8. Заключение

В целом Решение от 21 февраля 2017 года производит двойственное впечатление. С одной стороны, оно соответствует базовым стандартам международных судебных решений и содержит определённый ответ на поставленный вопрос. С другой стороны, оно не содержит развёрнутых аргументов и чётких выводов. Иными словами, оно успешно решает частную задачу разрешения конкретного спора, но не решает (или решает недостаточно хорошо) общую задачу укрепления правопорядка ЕАЭС. Перефразируя К. Маркса, можно сказать, что Суд ЕАЭС ведёт двойную жизнь, «небесную» и «земную»: жизнь, в которой он признаёт себя активным и беспристрастным органом интеграционного порядка, и жизнь, в которой он действует как частное лицо, прежде всего заботящееся о собственной безопасности и репутации¹⁰, Та-

юридическим кругам принципы права и нюансы анализа, которые, даже если они не были приняты в данном деле, могут быть использованы в другом контексте, пока еще непредвиденном», § 11. Т. Н. Нешатаева пишет: «Судьи интеграционного суда видят проблемы с разных сторон, а институт особого мнения помогает формализовать различные подходы. Если судьями предлагаются несколько правовых конструкций, то это лучше для будущего развития права — ведь специфика деятельности любого суда и судей заключается в том, что мы точечным образом путём судебного толкования закрываем лакуны в праве. В конкретном деле мы можем лишь предложить модель дальнейшего развития прав, развитие которого — ответственность иных властей» (Нешатаева Т. Н. Суд ЕАЭС в действии. Интервью // Евразийский юридический журнал. 2016. № 9. С. 11–14, 12).

⁸ Так, по словам Т. Н. Нешатаевой, на основе подхода из особого мнения по делу по заявлению Министерства экономики

Казахстана о разъяснении Соглашения о государственных закупках 2010 года была принята статья 88 Договора о ЕАЭС 2014 года о неучастии центральных банков в государственных закупках. См.: Нешатаева Т. Н. Указ. соч.

⁹ К. Л. Чайка, в частности, указал: «Учредив на неограниченный срок Евразийский экономический союз... государства — члены Союза наделили их реальными полномочиями, ограничив тем самым в строго определённых областях свои суверенные права и создав автономную совокупность правовых норм, являющихся обязательными для всех государств-членов». Как отмечает А. С. Исполинов, «эти слова, столь ожидаемые многими, всё же прозвучали» (Исполинов А. С. Решение Суда ЕАЭС по спору Российская Федерация против Республики Беларусь: правосудие посреди политического конфликта.).

¹⁰ См.: Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 390–391.

кую жизнь можно вести очень долго, однако поддержание баланса между двумя её полусами отвлекает силы Суда и отрицательно сказывается на выполнении им его главной функции — обеспечении единообразного применения права ЕАЭС.

Библиографическое описание:

Толстых В. «Небесная» и «земная» жизнь Суда Евразийского экономического союза: обзор Решения Суда от 21 февраля 2017 года по делу о соблюдении Белоруссией Договора о ЕАЭС // Международное правосудие. 2017. № 4 (24). С. 18–25.

The “heavenly” and “earthly” life of the Court of the Eurasian Economic Union: A review of the Judgment of the Court in the Case Involving Belarus’ adherence to the Treaty on the EEU

Vladislav Tolstykh

Doctor of Sciences in Law, Head of International Law Department, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia (e-mail: vlt73@mail.ru).

Abstract

This article is an overview of the Judgment of the Eurasian Economic Union Court from February 21, 2017, which it pronounced in the case of Russia against Belarus concerning Belarus’ compliance with the Treaty on the EEU and some other acts of the Union. In this decision, the Court used its powers to examine an interstate dispute for the first time. The author describes the circumstances of the case, the position of the Court, and the positions of the judges who expressed dissenting opinions. The author’s comments touch upon the political and legal aspects of the dispute, the stylistics of the Decision, and the use of the institution of special opinions. The author makes a number of critical remarks. For example, in his opinion, the Court gives unreasonably high attention to obvious issues and, on the contrary, does not clarify other important issues. Furthermore, it does not try to formulate a general concept of regulation in the relevant area, it does not apply some concepts and approaches, the applicability of which looks obvious, and it does not use potentially useful tools of interpretation. In general, the decision produces an ambiguous impression. On the one hand, it corresponds to

the basic standards of international judicial decisions and contains a definite answer to the question posed. On the other hand, it does not contain detailed arguments and clear conclusions. Thus, it successfully solves the particular problem of resolving a specific dispute, but it does not solve the task of strengthening the law and order of the Eurasian Economic Union.

Keywords

international law; Eurasian law; customs law; customs control; international court; dissenting opinions of judges.

Citation

Tolstykh V. (2017) “Nebesnaya” i “zemnaya” zhizn’ Suda Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza: Obzor Resheniya ot 21 fevralya 2017 goda po delu o soblyudenii Belorussiyey Dogovora o EAES [The “heavenly” and “earthly” life of the Court of the Eurasian Economic Union: A review of the Judgment of the Court in the case involving Belarus’ adherence to the Treaty on the EEU]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 4, pp. 18–25. (In Russian).

References

- Ispolinov A. S. (2013) Reshenie bol'shoy kollegii Suda EvrAzES po delu Yuzhnogo Kuzbassa: naskol'ko obosnovan sudeyskiy aktivizm? [Eurasian Economic Community Court Grand Collegium decision on Yuzhny Kuzbass case: in what measure is judicial activism justified?]. *EvrAziyskiy yuridicheskii zhurnal*, vol. 60, no. 5, pp. 19–26. (In Russian).
- Ispolinov A. S. (2017). Reshenie Suda EAES po sporu RF protiv Respubliki Belarus: pravosudie posredi politicheskogo konflikta [Decision of the EAEU Court in the Russian Federation vs. the Republic of Belarus case: justice amidst a political conflict]. Available at: https://zakon.ru/blog/2017/03/17/reshenie_suda_eaes_po_sporu_rossijskaya_federaciya_protiv_respubliki_bielarus_prawosudie_posredi_poli (accessed: 18.12.2017). (In Russian).
- Marx K. (1955). K evreyskomu voprosu [On the Jewish question]. In: Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Selected works], Moscow: GIPL, pp. 382–413. (In Russian).
- Neshataeva T. N. (2016) Sud EAES v deystvii. Interv'yuu [The EAEU Court in action. Interview]. *EvrAziyskiy yuridicheskii zhurnal*, vol. 100, no. 9, pp. 11–14. (In Russian).
- Smbatyan A. S. (2014) Resheniya Suda EvrAzES ne vyzyvayut nauchnogo interesa? [Do decisions of the EEC Court attract no academic interest?]. *EvrAziyskiy yuridicheskii zhurnal*, vol. 73, no. 6, pp. 63–68. (In Russian).
- Tolstykh V. (2016) Praktika Suda EAES / Suda EvrAzES: problemy pravoprimeniya i nekotorye itogi [Jurisprudence of the Court of the EEU / Court of the EEC: problems of the application of law and some results]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 4, pp. 114–128. (In Russian).